

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.6

EDN: TTYJDC

О применении визуально-интуитивного метода в социологическом исследовании русских локальных сообществ

Ссылка для цитирования: Подъячев К. В. О применении визуально-интуитивного метода в социологическом исследовании русских локальных сообществ // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 201–228. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.6; EDN: TTYJDC.

For citation: Podyachev K. V. On the application of the visual-intuitive method in sociological research of Russian local communities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 201–228. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.6; EDN: TTYJDC.

Подъячев Кирилл Викторович¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

kirvik@bk.ru

SPIN-код: 8766-2861

Аннотация. В данной статье обосновывается применение для изучения русских локальных сообществ авторского визуально-интуитивного метода исследования, названного «феноменологическим погружением». Данный метод был разработан на основе практик полевых исследований на местах, проводившихся с участием автора с 2013 г. Теоретической основой метода является феноменологическая социология А. Шюца, концепция «жизненного мира» Ю. Хабермаса, разработки визуальной социологии. Согласно А. Шюцу, повседневность охватывает максимум возможных проявлений социального. Поэтому непосредственное наблюдение за повседневностью/жизненным миром локальных сообществ рассматривается в данной статье как социологический инструмент, который существенно дополнит социологические методики, особенно в части исследования общих и особенных социокультурных характеристик русских регионов. При выявлении социокультурных особенностей регионов и локальных сообществ одной страны (в отличие от кросснациональных исследований), определяющее значение имеют тонкие нюансы социальной реальности. Они могут быть определены именно через изучение жизненной среды, для чего наиболее эффективным представляется данный метод. Также он дает возможности коррекции гайдов для классических качественных исследований и более адекватной оценки статистических данных. Автор приводит примеры из своего личного опыта полевых исследований в русских регионах, которые показывают, как с помощью данного метода можно формировать гипотезы, корректировать данные из других источников, вносить изменения в программы исследований и рабочие материалы. Визуальная социология является значимой составляющей данного метода, но не тождественна ему полностью, поскольку

и роль фотографии здесь иная. Это не объект и не инструмент исследования, но способ передачи неформализуемых данных, почему она всегда идет в комплексе с вербальными описаниями. При этом, в отличие от нефотографических визуальных методов прямое наблюдение носит не вспомогательный, а базисный характер. Метод имеет существенные ограничения, как то: субъективизм, затруднения трансляции полученных данных, сложность подготовки исследователей для работы. Однако их возможно в некоторой степени преодолеть, прежде всего применяя метод не изолированно, а в комплексе с иными качественными исследовательскими методиками.

Ключевые слова. Россия, социология, феноменология, регионы, социокультурные особенности, локальные сообщества, визуальный анализ, включенное наблюдение

Введение

Для всех, изучающих Россию, общим местом является понятие о ее масштабности и многообразии. Действительно, на сегодня Российская Федерация является самым территориально крупным государством в мире. Еще более важен не сам по себе размер территории, но многообразие составляющих ее регионов, как географическое, так и социокультурное. И если о многонациональности, многоконфессиональности России сказано много, на это даже указано в ее Конституции, то намного менее очевидным, но не менее значительным является разнообразие русских регионов. Но их отличия выражаются в тонких нюансах, которые сложно выявить распространенными исследовательскими методами. Их необходимо исследовать, как в целях приращения научного знания, так и для решения прикладных задач региональной политики и развития регионов.

Если мы говорим об особенностях России в целом и ее регионов, но при этом хотим остаться на почве науки, не уходить в отвлеченные умозрительные спекуляции, то у нас не остается другого пути, кроме как выявление этой специфики через сопоставление разных российских регионов на предмет их общих и особенных социокультурных характеристик.

Это представляется на сегодня одной из главных задач региональной социологии (и/или социологии регионов)¹. В свою очередь, и в общих, и в особенных социокультурных явлениях могут сочетаться как традиционные (т. е. воспроизводимые на протяжении некоторого длительного исторического периода), так и инновационные элементы. А проявляются эти элементы в повседневности, в жизненной среде.

¹ Мы все же предполагаем, что методологически более правильно называть нашу субдисциплину социологией регионов. Региональная социология – это скорее социология (как область научного знания и как учебная дисциплина), существующая непосредственно в субъектах РФ.

Специфику нашей работе придает то, что мы изучаем регионы и локальности¹, принадлежащие к одной макросоциальной общности², имеющие много черт сходства. В отличие от кросснациональной компаративистики, здесь решающее значение могут иметь тонкие нюансы реальности³, которые часто не замечаются вследствие аберрации восприятия, возникающей у внешнего наблюдателя из-за аналитического дробления, «пикселизации» наблюдаемого, а у местного жителя – из-за «замыливания глаза», привычности среды. Это призывает нас к особой исследовательской позиции: внешней, но одновременно включенной. Наблюдатель должен быть гостем для наблюдаемого сообщества, не связан с ним, но вместе с тем уметь включиться в него настолько, чтобы ощутить себя местным жителем, представить, каким образом любые вопросы – от проблем ЖКХ до геополитики смотрятся из этой, локальной позиции.

Для такой позиции характерное для многих научных методов познания аналитическое членение реальности на «сферы», «системы», «подсистемы» и т. п. недостаточно. Сосредотачиваясь на чем-то одном, неизбежно упустить другое. Потому в нашем случае жизненную среду следует изучать целостно (холистически) [6, с. 369], жертвуя детальностью знания в пользу его максимальной широты. Для такого исследования широко распространенные методики, и количественные, и качественные, не достаточны.

Опыт исследовательской работы непосредственно на местах, в локальных сообществах, полученный автором с 2013 г. в ходе работы под руководством И. А. Халий, с 2020 г. – О. В. Аксеновой позволил выработать некоторый методический подход, который и будет рассмотрен далее. Представляется, что он может восполнить пробелы в распространенных социологических методиках, привнося элемент «тонкой настройки» в познание российских локальностей.

Поскольку основой метода является осмысление авторского опыта работы в локальностях, то значительную часть текста составят конкретные примеры (кейсы). Но, чтобы не рассеивать внимание читателя, эти кейсы выделены в отдельную главу. Так, в первой части статьи представлены теоретические основания и основные характеристики метода, а во второй – иллюстрирующие их кейсы, ссылки на которые приведены в тексте, где это необходимо.

¹ Регион в данном случае означает субъект РФ, его границы определены законодательно; под локальностями, как правило, подразумевались муниципальные образования второго уровня (городские и сельские поселения), однако в последние годы в стране проводится муниципальная реформа, в ходе которой таковые постепенно упраздняются. В более узком смысле используется категория «локальное сообщество» – группа лиц, объединенных проживанием в одном населенном пункте, относящемся к категории сел или малых городов.

² Другие используемые в литературе аналогичные по смыслу категории: культурно-исторический тип, суперэтнос, и наиболее распространенная – цивилизация. В настоящее время понятие о России как самостоятельной цивилизации вошло в официальный дискурс и включает в нормативно-правовые акты.

³ Конкретные примеры приведены ниже, в блоке кейсов.

Теоретические основы метода

Проведя подробный анализ множества бытующих в мировой социологии теоретических концептов, М. Ф. Черныш выделил следующие основные парадигмы теоретической социологии [12, с. 24–39]: конфликтологическую, структурно-функциональную, конструктивистскую¹, феноменологическую и активистскую. Безусловно, из перечисленных метатеоретических социологических парадигм, более всего соответствует нашему методу феноменологическая.

Опиравшийся на философию Э. Гуссерля (1859–1938) основоположник феноменологической социологии А. Шюц (1899–1959) создал концепцию «конечных областей значений». Этот подход представлял собой некоторый баланс между аналитическим и холистическим социальным знанием [6]. Области значений – это «специфические относительно изолированные сферы человеческого опыта, такие как религия, сон, игра» и т. п., каждая из которых требует своего особого «когнитивного стиля» [3, с. 782]. Наиболее же полной, «бездефицитной» из них является, согласно Шюцу, повседневность, поскольку в нее вовлечено наибольшее количество индивидов, и она включает в себя элементы всех иных «областей». Следовательно, именно повседневность и должна быть главным объектом непосредственного, прямого изучения.

Ю. Хабермас, используя категорию “Der Lebenswelt” («жизненный мир»), заимствованную также из философии Э. Гуссерля, построил свою теорию «колонизации». Жизненный мир, как область «симметричных» отношений, которые «требуют определенного уровня согласия, общего знания и общих ценностей, согласованных дефиниций ситуации и добровольной координации действий» [15, с. 603], по определению интерсубъективен и потому гуманен, в отличие от «системы», действующей на основании своих собственных законов, не зависящих от воли и свойств индивидов. Полное тождество жизненного мира и социума было возможно только в архаическую эпоху (хотя, полагаем, что здесь Хабермас исходил более из руссоистского мифа, чем из знания о реально существующих примитивных обществах). Историческое развитие Хабермас понимал как «колонизацию», «поглощение» системой (т. е. институтами) жизненного мира. И чем далее идет развитие, в первую очередь технологическое, тем большую часть социального (или культурного) пространства занимает система, тем меньшая область остается жизненному миру.

Мы полагаем, что указанные теории Шюца и Хабермаса имеют большое значение для отечественной социологии регионов. Очевидно, что повседневность в наибольшей степени доступна для наблюдения в сообществах, еще сохраняющих целостность, то есть в сообществах локальных, где численность населения не требует большого количества значимых инфраструктурных объектов. Так, если в условном поселке имеется 1 библиотека

¹ Не путать с социологическим конструктивизмом у Ж. Т. Тощенко [12]. Тощенко обозначает этим понятием еще более широкий комплекс социологических и социально-философских подходов.

и 2 школы, то ознакомление с их деятельностью (это реально сделать за один исследовательский человеко-день), позволит делать обоснованные выводы о состоянии образования и культуры в данной локальности. Также локальные сообщества (возможно, что в первую очередь – российские) представляют собой такую социальную форму, в которой «жизненный мир» по Хабермасу еще охватывает существенную область реальности. Здесь можно заметить, что значительная часть населения современной России проживает в более крупных городах, многие – в мегаполисах, изучение которых таким методом малоэффективно, и с течением времени баланс все более смещается в пользу последних, идет активный процесс депопуляции малых городов и сельских территорий. Но во всяком случае, еще до четверти населения РФ проживает на селе, а те, кто проживает в крупных городах в значительной части социализировались в условиях именно малых локальных сообществ. Наконец, если мы хотим остановить депопуляцию территорий, изучение происходящих там процессов является остро необходимым. Последнее же требует в том числе и применения особого исследовательского метода.

В западной социологии еще в 1967 г. была сформулирована концепция «grounded theory» А. Штраусом и Б. Глэйзером [19]. Суть этого исследовательского подхода заключалась в том, что сбор данных предшествует теории. Исследователь, приступая к работе, дистанцируется от теоретических концептов, и собирает данные, не пытаясь их структурировать под заранее подготовленные концепты и гипотезы. А теоретизирование осуществляется как бы параллельно сбору данных, в процессе работы. Обобщенные категории формулируются с помощью сравнительного метода [18, с. 54]. Накопление же некоторой критической массы данных дает толчок и для рывка на новый уровень теоретического осмысления, созданий новой концепции, носящей не отвлеченный, но «корневой» или «заземленный» характер. Нельзя сказать, чтобы этот подход стал особенно популярным, и прежде всего потому, что полностью свободным от теоретического багажа исследователь в принципе быть не может. Таким может быть только человек, не имеющий социологического образования вовсе, но он и не сможет увидеть того, что необходимо. В противном случае все туристы могли бы быть «включенными наблюдателями» в локальностях. Однако подход Штрауса – Глэйзера мы всегда имели в виду, прежде всего в том отношении, чтобы не формулировать гипотез до посещения конкретной локальности, а заготовленные программы исследований другими методами (например, гайды для интервью), всегда корректировать в процессе работы, сообразно увиденному.

Существенное значение для представляемого метода имеет также визуальная социология. У истоков последней стоит Г. Беккер, в 1970-х гг. изучавший социологическое значение фотографии. Он рассматривал фотографию прежде всего как объект исследования и положил начало визуальному анализу в узком смысле, где «социологи сами не фотографируют, а сидят дома, анализируя фотографии, сделанные другими» [1, с. 86] с целью выявления некоторых маркеров, обознача-

ющих важные для них характеристики изучаемого объекта – социума. Позднее более широкое распространение получила визуальная социология, применяющая метод исследовательской фотографии, когда «фотография изготавливается исследователем и им же анализируется» [1, с. 89], т. е. фотография стала уже не столько объектом, сколько инструментом исследования. Это направление в США и Европе разрабатывалось многими исследователями, часто работавшими на стыке социологии, психологии и социальной антропологии. Наиболее известным из них, по крайней мере в нашей стране, является П. Штомпка. Его работа, посвященная данному исследовательскому методу (и переведенная на русский язык [16]), может рассматриваться как эталонная в данной области знания. Э. Чаплин обратила внимание и на другие формы визуального, помимо фотографии, Н. Дензин – на социальное значение кинофильмов. С начала XXI века получили распространение и нефотографические методики визуальной социологии, связанные с непосредственным осмотром объектов [10]. Сюда же можно отнести методы биографической прогулки [10, с. 56], ментальных карт [10, с. 61] и т. п. Среди отечественных ученых вопросы использования как фотографических, так и нефотографических визуальных методов в социологических исследованиях затрагивали А. Н. Андреев [1], А. В. Ваньке и А. В. Стрельникова [10], А. В. Нименский [4], А. В. Шапиева [13], Е. В. Шапкина [14] и др. авторы; также Л. П. Галич и Т. Н. Шушунова из Республики Беларусь [2].

Особенно значим для нас принцип исследовательской фотографии, но мы иначе подходим к ключевому вопросу метода. Фотография у нас не является ни объектом, ни инструментом исследования, но способом передачи широкой аудитории неформализуемых данных¹, получаемых иными путями, прежде всего непосредственным наблюдением на месте.

Сущность метода и особенности его применения

Данный метод можно назвать «методом феноменологического погружения» в локальность. Перефразируя Штрауса и Глэйзера, можно охарактеризовать его как «grounded methodics». Этот «при(за)земленный метод» не разрабатывался заранее, не производился дедуктивно из теоретических концептов, но рождался непосредственно в процессе полевых исследований в российских локальных сообществах.

В целом теоретическое обоснование данного метода, кратко представленное в предыдущем разделе, вторично, – оно разрабатывалось уже постфактум, в процессе осмысления опыта, приобретенного в ходе работы «на земле», в локальностях. Длительный процесс разработки и апробаций метода был отражен в предшествующих работах автора [5; 7; 8].

Наиболее важным элементом метода является личное присутствие исследователя в локальном сообществе и погружение его в жизненную среду. Значение фотографии сохраняется, но важно, чтобы все

¹ Идея предложена О. В. Аксеновой и Н. В. Левченко.

снимки выполнялись самим исследователем, дабы при их демонстрации он мог разъяснить аудитории обстоятельства фиксации изображения. В этом отношении фотография может служить только иллюстрацией к сделанным наблюдениям.

Основным объектом наблюдения и анализа является пространство повседневной жизни. За исключением личных жилищ, куда проникнуть, по понятным причинам, нет возможности¹, это дворы, улицы, площади, скверы, объекты инфраструктуры и т. д. Маркеры традиций и инноваций, общего и особенного, можно обнаружить просто при внимательном осмотре улиц поселений (кейс 1) или торговых точек (кейс 4). Но им одним работа не ограничивается. Важно не только всматриваться, но и вслушиваться. Порой, случайно услышанный разговор (в кафе, магазине, транспорте) может дать информации больше, чем целое интервью. Также исследователю полезно по возможности вступать в ситуативное общение (в отличие от интервью, здесь не раскрывается факт проведения исследования) с местными жителями, в процессе которого можно получить важные данные или скорректировать гайд для бесед с респондентами. Здесь важно отметить именно участие опытных исследователей, причем прибывших в экспедицию из научного центра. Они могут выявить то, что для местных жителей, даже специалистов-социологов из данного региона, не было заметно в силу самоочевидности, порожденной привычностью, обыденностью явления. Эффективность метода прямо зависит и от широты кругозора исследователя. Чем шире эрудиция, прежде всего в сферах истории, культуры, религии, тем больше маркеров традиции и инновации, общего и специфичного он способен зафиксировать (кейс 5).

Этот метод позволяет и скорректировать, иногда существенно, оценку статистических данных. Так, если некая локальность (муниципальное образование) на основе анализа статистики определяется как депрессивная, работа непосредственно на месте может выявить, например, очень активную общественную, культурную жизнь, что уже может показать ошибочность оценки данной локальности как неперспективной (кейс 1).

Особое значение имеют учреждения культуры, и прежде всего краеведческие музеи, как хранители исторической памяти. Выявлено их наличие почти во всех муниципальных образованиях, часто они встречаются и в обычных поселениях, но, как правило, они не являются самостоятельными организациями, а сформированы при школе или библиотеке. Достаточно беглого ознакомления с экспозицией, чтобы получить представление о специфике не только региона, но конкретной локальности (кейс 6). Во всяком случае, первый объект, который предполагается посетить — это именно краеведческий музей.

Однако маркеры традиции могут выявляться и в ходе прогулки и внимательного осмотра пространства населенного пункта. Как пример можно привести характерные для Русского Севера резные оконные наличники (кейс 2). Фотографии позволяют увидеть, что они не только сохраня-

¹ Однако если во время наших экспедиций респонденты приглашали к себе домой, мы, как правило, не уклонялись.

ются на старинных домах, но и устанавливаются на новопостроенные. Но только при личном присутствии возможно определить, в каком архитектурном и инфраструктурном окружении находятся эти здания. А уже из бесед с местными жителями можно выяснить, кто именно их поставил, и какими мотивами руководствовался.

Наиболее заметным маркером традиции являются культовые здания, преимущественно православные храмы. Они, как исторические, так и новопостроенные, выявлены в большинстве населенных пунктов, причем, как правило, сразу попадают в поле зрения наблюдателя. А последнее тоже определимо только при личном присутствии. В иных случаях выяснялось, что история создания (воссоздания) храма весьма показательна, и может служить основанием для социологических выводов или же указать на возможные направления дальнейшего исследования (кейс 7).

Тем же методом в опыте российских локальных сообществ выявляется сочетание традиции и инновации, унификации и многообразия. Так, наличие во всех регионах, часто даже в малых, удаленных от важных дорог поселениях отмечено наличие магазинов крупных ритейлинговых сетей (Пятерочка, Магнит, Дикси, региональных), что можно определить как маркеры инновации и унификации (кейс 4).

Отдельно стоит сказать о включенном наблюдении за локальными массовыми мероприятиями (праздниками и фестивалями). Наиболее масштабные из них проводятся преимущественно в летнее время или в период зимних каникул. Однако, поскольку они рассчитаны преимущественно на туристов, там представляется в основном усредненный и коммерциализированный «глянцевый» образ региона, локальности. Анализ этого образа может дать понимание о стратегиях привлечения туристов, но именно о местной культурной специфике это скажет немного.

Но для нас гораздо более интересны локальные мероприятия, организуемые для местной аудитории. Такие проводятся в основном осенью (например, Фестиваль щей в пос. Ковернино Нижегородской обл. проходит в конце октября). Они, как правило, действительно отражают местную специфику, в них участвуют любительские коллективы, местные производители и частные ремесленники. Последние в подавляющем большинстве не участвуют в масштабных мероприятиях (федеральных и региональных ярмарках) и поэтому познакомиться с их работой возможно только на месте. По количеству присутствующих можно оценить уровень интереса местных жителей к локальным патриотическим проявлениям, общая атмосфера события может немало сказать об особенностях локальности и воспроизводстве некоторых местных традиций.

В итоге можно обозначить такую схему изучения объектов локальности (в порядке приоритетности):

1. Центральная площадь, где, как правило, располагается здание администрации.
2. Основные улицы.
3. Краеведческий музей.

4. Храм (при наличии, если их в поселении несколько – то основной, соборный – о чем можно узнать в том же музее или у местных жителей).
5. Мемориал Великой Отечественной войны (или историческим событиям, произошедшим в данных регионе, локальности).
6. Сетевые магазины.
7. Городской рынок (еще лучше – сезонная ярмарка, в дни ее проведения).
8. Центр народной культуры или художественный музей (при наличии).
9. Иные значимые объекты (сведения, о которых получаются на месте).

Это основная, базовая схема, которую приходится корректировать в зависимости от наличия времени и транспортных возможностей. По опыту автора можно сказать, что для достаточно полного ознакомления с поселением уровня районного центра достаточно двух рабочих дней. Однако на практике приходилось ограничиваться только одним днем, а во многих случаях – несколькими часами. В последнем случае осматривать следует именно те объекты, которые выше указаны на первых местах. Если и такой возможности не находилось – только центральные улицы и торговые точки, как наиболее плотные «узлы повседневности».

Вероятно, может показаться, что описанное выше имеет мало отношения к социологии, но это зависит от того, как понимать социологию. Если объектом внимания социологии служит общество как таковое, то любые процессы, протекающие в обществе, любые проявления жизни, имеют для нее значение. Согласно А. Шюцу, повседневность есть наиболее полная из всех жизненных сфер, охватывающая максимум возможных проявлений социального, потому непосредственное наблюдение за повседневностью/жизненным миром локальных сообществ и есть тот действенный социологический инструмент, который, конечно, не заменит, но существенно дополнит существующие методики, особенно в части исследования общих и особенных (специфических) социокультурных характеристик российских регионов.

Ограничения метода

Разумеется, данный метод не заменяет собой другие социологические исследовательские методики, так как имеет существенные ограничения.

В первую очередь это – субъективизм, поскольку впечатление личности исследователя, его собственных взглядов и смысложизненных представлений особенно сильно влияет на работу данным методом. Исследовательский субъективизм может быть уменьшен при коллективной работе, когда в локальности работают одновременно 2–4 коллеги, которые по завершении работы (лучше ежедневно) собираются вместе и обсуждают увиденное, услышанное и т. п. Однако последнее требует значительно больших ресурсов и потому в настоящее время затруднительно.

Значительное место в данной методике занимает интуитивный элемент, но многими исследователями он отвергается как ненаучный. Действительно, интуитивное знание имеет недостаток, поскольку с большим трудом поддается верификации и адекватной трансляции. Тем не менее, полагаем, что в нашем случае оно необходимо. Так, опыт автора показывает, что отличия соседних регионов, например, Липецкой, Курской и Орловской областей могут ощущаться уже при пересечении их границ, но формулировка, которая при этом приходит в голову («дух другой»), не носит научного характера. Вопрос операционализации интуитивного элемента и придания ему интерсубъективного характера поэтому является в данной сфере очень важным, и, безусловно, требует дальнейшей проработки. Пока способом наиболее полной передачи является доклад с фотографической презентацией, причем все представляемые снимки должны быть выполнены самим докладчиком, чтобы он мог внятно разъяснить место, время, обстоятельства съемки, характеристики изображенного объекта.

Отдельную сложность представляет обучение исследователей работе по данному методу. Помимо того, что исследователь должен обладать социологической подготовкой и широкой эрудицией (а именно они отличают его от простого путешественника), он должен выработать определенную «насмотренность». Последняя не формируется в процессе формального образования, она появляется только с практическим опытом посещения локальностей, причем уже с определенным профессиональным «багажом». В ряде вузов с начала 2000-х ведется обучение методам визуальной социологии, в т. ч. и нефотографическим [9]. Однако, насколько нам известно, они направлены на урбанистические исследования, равно как и обучение происходит в крупных городах. А при переходе к исследованию локальностей полученные навыки приходится существенно переосмысливать.

Это создает своего рода замкнутый круг: чтобы эффективно применить данный метод, нужно сначала обрести опыт его применения, но обрести опыт невозможно без реальной работы в поле. Пока что единственный способ разорвать это круг – совместная работа в локальностях опытного исследователя и начинающего(их). Возможен и самостоятельный поиск, но это потребует большего времени для приобретения необходимого опыта, и особенно на первых порах, будет малоэффективно для сбора данных.

В силу сказанного, описанный нами метод может быть эффективным только в комплексе с другими качественными методами, такими как глубинные интервью, фокус-группы, ситуативное общение и т. п. Вместе с тем, в отличие, например, от метода биографической прогулки Анны Стрельниковой, где элементы визуализации и прямого наблюдения являются вспомогательными, дополняющими «интервью в движении» [10, с. 57], помогающими респонденту вспомнить какие-то детали важных событий его жизни, в нашем методе прямое наблюдение и «переживание» исследователем атмосферы конкретной локальности является исходной точкой исследовательской работы.

Исследовательский опыт: кейсы

Кейс 1. Статистика и прогулки по городу

Еще в 2013 г., в начале деятельности по изучению регионов, автор посетил г. Шуя Ивановской обл., а в 2016 г. – Гусь-Хрустальный Владимирской обл. Ивановская область на основании анализа социально-экономических показателей считалась регионом бедным, депрессивным, малоперспективным. Владимирская область в силу своего географического положения (через регион проходят автомобильная и ж/д магистрали, соединяющие Москву с Нижним Новгородом и восточными регионами, а также стратегически важный водный путь по р. Оке Москва – Коломна – Рязань – Муром – Н. Новгород) была в лучшем состоянии, но также никогда не причислялась к богатым и процветающим регионам. Причем местом проведения исследований были выбраны не областные столицы, а города небольшие, даже в своих регионах находящиеся не в лидерах по экономическим показателям.

Рис. 1. Площадь в г. Шуя Ивановской обл. Июнь 2013 г.

Figure 1. Area in the city of Shuya, Ivanovo region. June 2013.

Рис. 2. Улица и городской сквер в г. Гусь-Хрустальный Владимирской обл.
Октябрь 2016 г.

Figure 2. Street and city square in Gus-Khrustalny, Vladimir region. October 2016.

Но просто прогулка по городу показала, что улицы там – чистые (рис. 1 и 2)¹, урны (где они есть) не опрокинуты, и не переполнены (значит, опорожняются регулярно), уличное освещение функционирует. В многоквартирных домах в большинстве окон вставлены пластиковые рамы со стеклопакетами (т. н. евроокна), а в частном секторе – в основном дома ухожены, заборы покрашены. Это позволило сделать вывод, что несмотря на непростую экономическую ситуацию, жители заботятся как о своем жилье, так и городской среде, стараются поддерживать их в надлежащем состоянии и у них имеются для этого ресурсы. Так, всего одна прогулка по городу, позволила, конечно, не поставить под сомнение все официальные показатели социально-экономического развития, но задуматься об их корректировке. Очевидно, оценка того или иного региона как «передового» или «депрессивного» не должна базироваться только на статистических данных.

¹ Согласно нашему методу, все представленные здесь и далее фотографии выполнены автором лично.

Кейс 2. Резные окна

На Русском Севере и Сибири характерным элементом архитектуры являются резные оконные наличники. Широкое их распространение восходит, как минимум, к XVII в. Также это характерно и для Поволжья, вплоть до Самары, но там возникло позже по несколько иной причине. Начиная со взятия Казани русским войском в 1552 г., Волга сделалась основной транспортной артерией страны. Главным транспортным средством служили баржи, часто на человеческой (бурлацкой) тяге. Эти баржи обильно украшались резьбой, что первоначально, видимо, носило ритуально-магический характер, а в более позднее время стало формой соревнования судовладельцев. Чья баржа роскошнее выглядит, у кого искуснее резьба, тот и молодец¹. С появлением парового флота в 1860х гг. частные баржи утратили смысл, вместо них стали строить огромные «понтонеры», буксировавшиеся пароводами, и украшать их резьбой уже не было нужды. Тогда многочисленные резчики, ранее работавшие на волжских купцов-судовладельцев, пошли по деревням, предлагая свои услуги крестьянам. А поскольку таких мастеров поначалу было много, конкуренция была высока, то многие соглашались работать за очень скромную плату. В результате избы даже небогатых крестьян по всему Поволжью, особенно в Нижегородчине, украсились тонкой, искусной деревянной резьбой.

В элементах резьбы воспроизводятся как жанровые сценки, так и религиозная символика, и даже символы природных циклов и аграрной магии, восходящие к глубочайшей архаике. Фотографии позволяют увидеть, что они не только сохраняются на старинных домах, но и устанавливаются на новопостроенные. Так, в Иркутске на ул. Седова в 2010-х построен Исторический квартал, представляющий собой некоторую реконструкцию старинного, дореволюционного Иркутска (рис. 3). Все здания там обильно украшены деревянной резьбой, наличниками, повторяющими подлинные, старинные. Из общения с местными жителями удалось выяснить, что далеко не все приветствовали этот проект. Многие выражали недовольство тем, что в домах Исторического квартала разместили магазины, рестораны, разного рода увеселительные заведения и т. п. Все оказалось увешано неоновыми вывесками, в некоторых окнах были выставлены ЖК-мониторы и это, конечно, вызвало многочисленные обвинения в искажении исторического облика, китче и «опопсении» со стороны творческой интеллигенции региона. Вместе с тем, здесь мы видим явное, буквально бьющее в глаза совмещение традиции и инновации. Постройка Исторического квартала – крупный проект, осуществленный городом совместно с властями региона и его можно рассматривать как пример инициативы сверху.

¹ См. произведения П. И. Мельникова-Печерского.

Рис. 3. Ул. Седова в Иркутске. Апрель 2019 г.

Figure 3. Sedov Street in Irkutsk. April 2019.

Приведем другой пример. При посещении сел Костромской и Вологодской областей, в частности с. Домнино (Сусанинский р-н Костромской обл.), сел Ферапонтово и Горицы (Кирилловский р-н Вологодской обл.) автор лично наблюдал, что на значительной части, едва ли не большинстве домов, в т. ч. явно построенных уже на рубеже XX–XXI вв. имеются резные наличники (рис. 4). Некоторые из них производили впечатление настоящих произведений искусства. Из бесед с местными жителями удалось выяснить, что для них является естественным устанавливать такие наличники на дома и все стараются это делать. Исключением является, скорее их отсутствие. А происхождение наличников различно: одни используют старинные, снятые с ветхих, аварийных зданий; другие покупают на строительных рынках, и как выяснилось в этих регионах это целая отрасль бизнеса; третьи заказывают у частных мастеров; иные даже делают их сами. Не устанавливают наличники на свои дома либо дачники, приезжающие из других регионов, либо люди бедные, у которых на это просто не хватает средств. В городах Кострома, Вологда украшения в виде традиционных наличников встречались даже на типовых многоэтажных домах.

Рис. 4. Частный дом в пос. Сусанино Костромской обл. Июль 2017 г.

Figure 4. Private house in the village of Susanino, Kostroma region. July 2017.

При этом обнаружить что-то подобное в Рязанской или Воронежской областях не удалось. Это может свидетельствовать о наличии определенной традиции, специфичной для некоторых регионов страны. И традиция воспроизводится, адаптируясь под изменяющиеся реалии, встраивается в современное общество. При этом воспроизводство осуществляется не административными мерами, а посредством агрегации частных инициатив. Для предмета же данной статьи важно отметить, что выявить этот феномен иначе, как посетив конкретные локальности, было невозможно, т. к. если об этих наличниках и упоминается в литературе, то только в этнографической, как об элементе ушедшей сельской культуры.

Кейс 3. Памятники и уход за ними

Значение мемориализации исторических событий трудно переоценить. В нынешней ситуации забота о памятниках, особенно о воинских мемориалах Великой Отечественной войны, становится делом государственной важности. Наш метод позволяет по нескольким признакам определить (как минимум, предположить), насколько выражено в той или иной локальности уважительное отношение к мемориальным объектам.

Характерным примером является памятник в центральной части г. Волгограда (рис. 5). Изначально на этом месте были похоронены казненные белогвардейцами в 1919 г. большевики¹. Во время Сталинградской битвы памятник оказался в эпицентре боев и серьезно пострадал, однако не был уничтожен полностью. Сразу после освобождения города около этого мемориала стали хоронить погибших советских бойцов, чьи тела лежали в подвалах по всему городу. Позднее мемориал был восстановлен почти что в первоначальном виде, и стал памятником двух войн². При посещении данного монумента было отмечено, что у памятника лежат венки и цветы, судя по виду, возложенные недавно. А ведь снимок сделан много времени спустя после 9 мая и 22 июня – основных памятных дат, да к тому же в период пандемии covid-19, когда массовые акции почти не проводились. Таким образом, можно сделать вывод о сохранении живой традиции памяти, которая не просто существует в сознании, но имеет действенное проявление, как минимум в символических акциях.

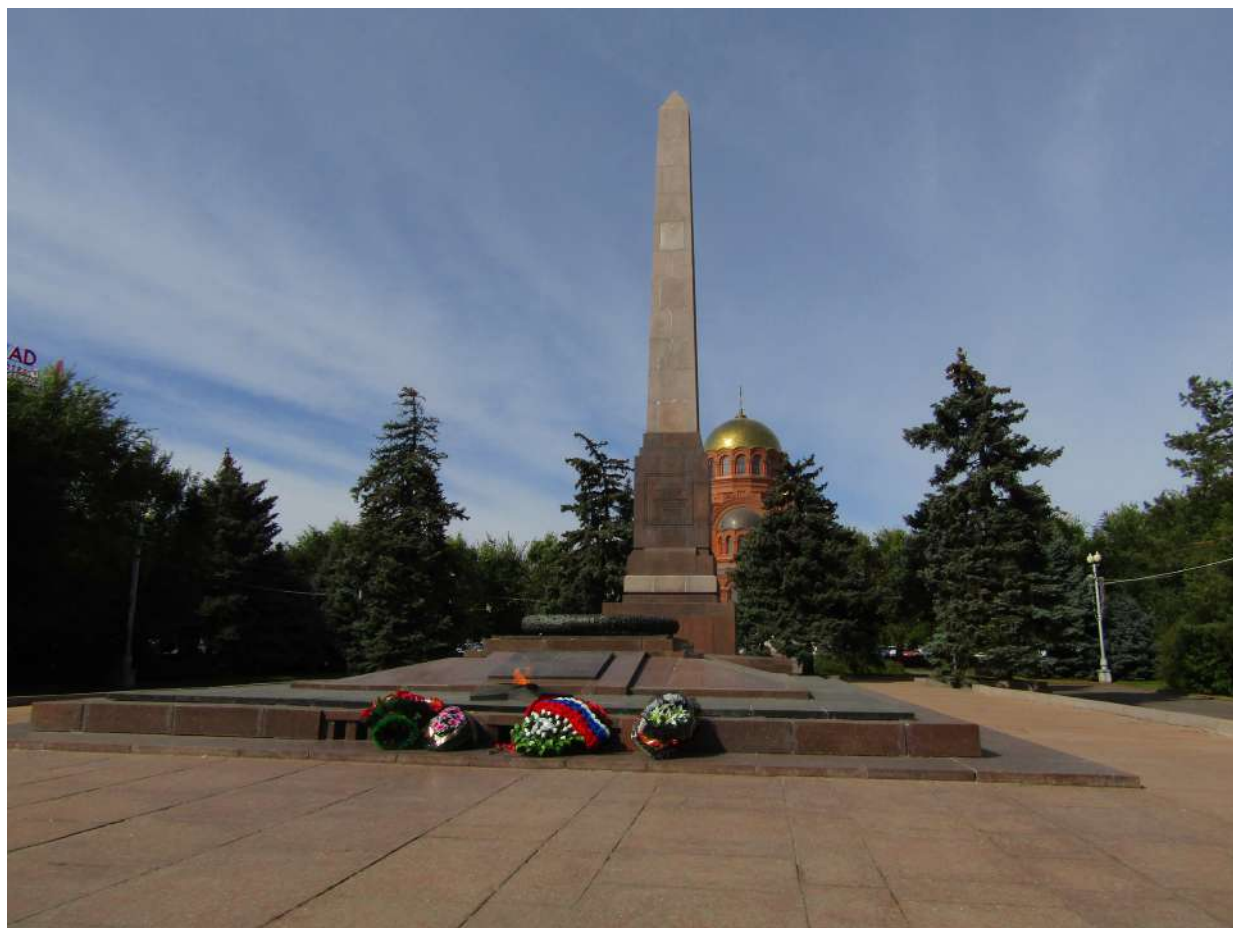

Рис. 5. Мемориал Гражданской и Великой Отечественной войн на пл. Павших Борцов, г. Волгоград. Сентябрь 2020 г.

Figure 5. Memorial to the Civil and Great Patriotic Wars on Fallen Fighters Square, Volgograd. September 2020.

¹ На самом деле сложно сказать, кто именно стал жертвой расправы. Точных данных на этот счет не сохранилось. Весьма вероятно, что это были случайные люди, не имевшие к РКПб никакого отношения [265].

² Энциклопедия памятников и воинских захоронений Сталинграда. Отв. ред. А. В. Ситников, С. А. Егин. Волгоград: ВолГУ, 2023. С. 267.

Также можно привести как пример установленный в г. Кемерово памятник, повторяющий скульптуру Воина-освободителя работы Е. Вучетича в мемориальном комплексе Трептов-парк в Берлине. Установка именно такого памятника связана с тем, что прообразом оригинальной скульптуры послужил уроженец Кемеровской области Николай Масалов, во время уличных боев в Берлине спасший немецкую девочку. Данный памятник находится на окраине города, транспортная доступность там оставляет желать лучшего, тем не менее туда постоянно идут люди, в чем автор имел возможность убедиться лично. К его подножию постоянно приносят цветы, не только в какие-либо памятные даты. Важно отметить, что преимущественно это не венки, корзины, даже не букеты, которые могли бы возлагать организованные группы, делегации и т. п. Это большое количество красных гвоздик, очевидно приносимых по 2–4 шт. многочисленными посетителями (рис. 6). Чем именно вызвано такое отношение сказать сложно, не прибегая к иным методам исследования. Но на этом примере можно видеть, как при помощи данного метода можно определить точки, направления особого исследовательского внимания в конкретных регионе, локальности.

Рис. 6. Подножие мемориала Воину-освободителю, г. Кемерово. Апрель 2023 г.
Figure 6. The base of the memorial to the Liberator Soldier, Kemerovo. April 2023.

Еще пример – мемориал на братской могиле в Калужской области (рис. 7). Там захоронены бойцы, погибшие вместе с генералом М. Г. Ефремовым в апреле 1942 г. при попытке выхода из окружения. Могила находится в труднодоступном месте, в глухом лесу, даже грунтовой дороги туда нет; есть только колея, пересекающая речку, которую надо преодолевать вброд. Тем не менее, рядом с советским памятным знаком там установлен поклонный крест, и, как можно видеть, территория вокруг обихожена, у памятника немало цветов. Уже позднее, в ходе бесед с местными жителями, выяснилось, что туда приходят поисковики, юнармейцы и представители патриотических движений, ухаживают за памятником. Однако же без посещения этого места и задать соответствующий вопрос жителям просто не пришлось бы в голову, и этот элемент социальной реальности остался бы вне поля зрения.

Рис. 7. Братская могила и памятный знак М. Г. Ефремову, лесная поляна западнее дер. Тарасовка, село Климов Завод Юхновского района Калужской обл. Август 2021 г.

Figure 7. Mass grave and memorial sign to M. G. Efremov, forest clearing west of the village of Tarasovka, Klimov Zavod village, Yukhnovsky district, Kaluga region. August 2021.

Кейс 4. Сетевые магазины

Во всех регионах, которые посещались автором, присутствуют ритейлинговые сети. Помимо федеральных сетей (Перекресток, Лента, Пятерочка, Магнит, Дикси) существуют и сети региональные, действующие только в одном или нескольких соседних субъектах РФ. Однако в магазинах этих сетей в разных регионах ассортимент товаров несколько различался. В основном в них были представлены товары одних и тех же популярных марок (молочные продукты: Домик в деревне, Белый город, Авида, Экоферма; макаронные изделия: МакФа, Шебекинские, Maltagliati; печенье – Любятово, Посиделкино, Хлебный Спас). Как правило, на полках присутствовали товары и местных производителей. В первую очередь, это касалось скоропортящихся продуктов, такие как свежее молоко, творог, сметана, хлеб и т. д. В ряде регионов в сетевых магазинах возле товаров местных производителей рядом с ценниками замечены таблички «Покупай родное», «Местный продукт» или нечто подобное. Очень часто фиксировалось наличие в этих магазинах традиционных для региона продуктов (чак-чак и баурсак в Татарстане, шартан в Чувашии, буузы в Бурятии, особые молочные продукты в Вологодской обл. и т. п.). Притом в аналогичном магазине соседнего региона, даже расположенном очень близко к границе, таких продуктов, как правило, не наблюдалось. В сетевом магазине г. Октябрьский (Башкортостан) на полках было несколько видов чак-чака башкирского производства, татарского там не обнаружено. В расположенном в 15 км, но уже в Татарстане г. Бавлы в магазинах было много чак-чака из Казани, Бугульмы, но ни одного вида его башкирского производства. Это указывает на специфику межрегиональных экономических связей. Для социологии повседневности подобные нюансы могут быть весьма значимы, но зафиксировать их иначе, как непосредственно посетив локальность (и осмотрев хотя бы два магазина), невозможно.

Кейс 5. Копченый гусь

Автору этих строк пришлось, двигаясь на автомобиле по Республике Татарстан в сторону Самарской обл., проезжать через с. Именьково (Лаишевский р-н). Из автомобиля было видно, что по обеим сторонам главной улицы села – Советской стоит большое количество лотков с козырьками и на них разложены тушки птиц, наподобие жареных кур. Остановившись и расспросив торгующих, удалось выяснить, что это – копченые гуси. В этом селе, расположенном на берегу р. Кама издавна разводили и коптили гусей.

Из литературы автору было известно, что копченые гуси – это весьма древний элемент русской гастрономической традиции. Именно копченые гуси (а не говядина или свинина) – главные консервы средневековой Руси, да и Российской империи. Они составляли львиную долю в продовольственном обеспечении русского войска в походах. Кроме того, гусиные перья использовались для письма, а гусиный пух – для набивки спальных принадлежностей. Поэтому разведение гусей было важнейшей отраслью

русского сельского хозяйства, основным же центром его – все Приволжье, от Рыбинска до Царицына (современный Волгоград). Поставки копченых гусей для нужд армии были настолько лакомым куском, что за них приволжское купечество вело настоящие войны. Изобретение металлического пера для письма и способа термического консервирования мяса (тушенка) подсекло гусиный бизнес под самый корень. Приблизительно с 1870-х гг. он схлопнулся за непродолжительное время и традиция копчения была быстро забыта. Но каким-то чудом именно в Именьково она сохранилась, передаваясь из поколения в поколение, и дошла до XXI в. А поскольку через село сегодня проходит оживленная трасса, по которой следует много тяжелых фур, то водители обеспечивают спрос. Многие постоянно курсируют через село, и уже привыкли, что там можно недорого подкрепиться, поэтому бизнес местных жителей успешно функционирует.

Так случайно увиденное указало на факт сохранения древней традиции не как музейного артефакта, но как части социальной реальности, посредством встраивания ее в современные экономические процессы. Вместе с тем, этот пример показывает, насколько важна в нашем методе эрудированность исследователя: не будь автор знаком со значением копченого гуся в прежние исторические периоды, это могло бы его не заинтересовать и данный факт остался бы вне внимания.

Кейс 6. Сельский школьный музей

Во время поездки в Липецкую обл., посвященную 200-летию выдающегося русского социального мыслителя Н. Я. Данилевского, автор посетил пос. Измалково, поскольку именно на территории Измалковского района расположено село Оберец, в котором, предположительно, родился Данилевский (др. версия, которой придерживаются орловские краеведы – с. Остров, Ливенский р-н Орловской обл.). В ходе беседы с представителем администрации района выяснилось, что в с. Преображенье в местной школе существует небольшой музей, в котором имеется экспозиция, посвященная Данилевскому. Тогда было принято решение вопреки первоначальному плану, немедленно направиться в с. Преображенье и осмотреть данный музей. В результате выяснилось, что этот школьный музей действительно существует, и он достаточно хорошо укомплектован для небольшого, в общем, населенного пункта (рис. 8). Кроме Данилевского, там представлены материалы, связанные со знаменитым советским ударником А. Стахановым (он родился в тех местах), шахтерские инструменты, образцы каменного угля. Также представлены материалы об отличившихся выпускниках школы. Этот пример показывает, как сведения, получаемые в ходе самой экспедиции, вносят коррективы в первоначальную программу, в результате чего удастся получить значимые данные. В частности, здесь удалось убедиться, что работа по сохранению исторической памяти, в т.ч. о специфических местных событиях, ведется силами энтузиастов и поддерживается администрацией даже в малых, удаленных от оживленных дорог населенных пунктах.

Рис. 8. Фрагмент экспозиции школьного музея в с. Преображение Измалковского м.о. Липецкой обл. Октябрь 2022 г.

Figure 8. Fragment of the exposition of the school museum in the village of Preobrazhenye, Izmailkovsky District, Lipetsk Region. October 2022.

Кейс 7. Храм на Амуре

При посещении города Комсомольск-на-Амуре автору пришлось увидеть православный храм весьма своеобразной архитектуры (рис. 9). В дальнейшем, из беседы с представителем епархии выяснилось, что это первоначально был частный дом, в котором еще в 1970-х гг. был образован церковный приход, по некоторым сведениям, первый на всем Дальнем Востоке, созданный позже 1917 г. При этом надо иметь в виду, что Комсомольск-на-Амуре – город новый, построенный при советской власти, в котором в принципе не могло быть исторических храмов (за исключением одного, церкви в с. Пермском, находившемся на месте одного из районов города).

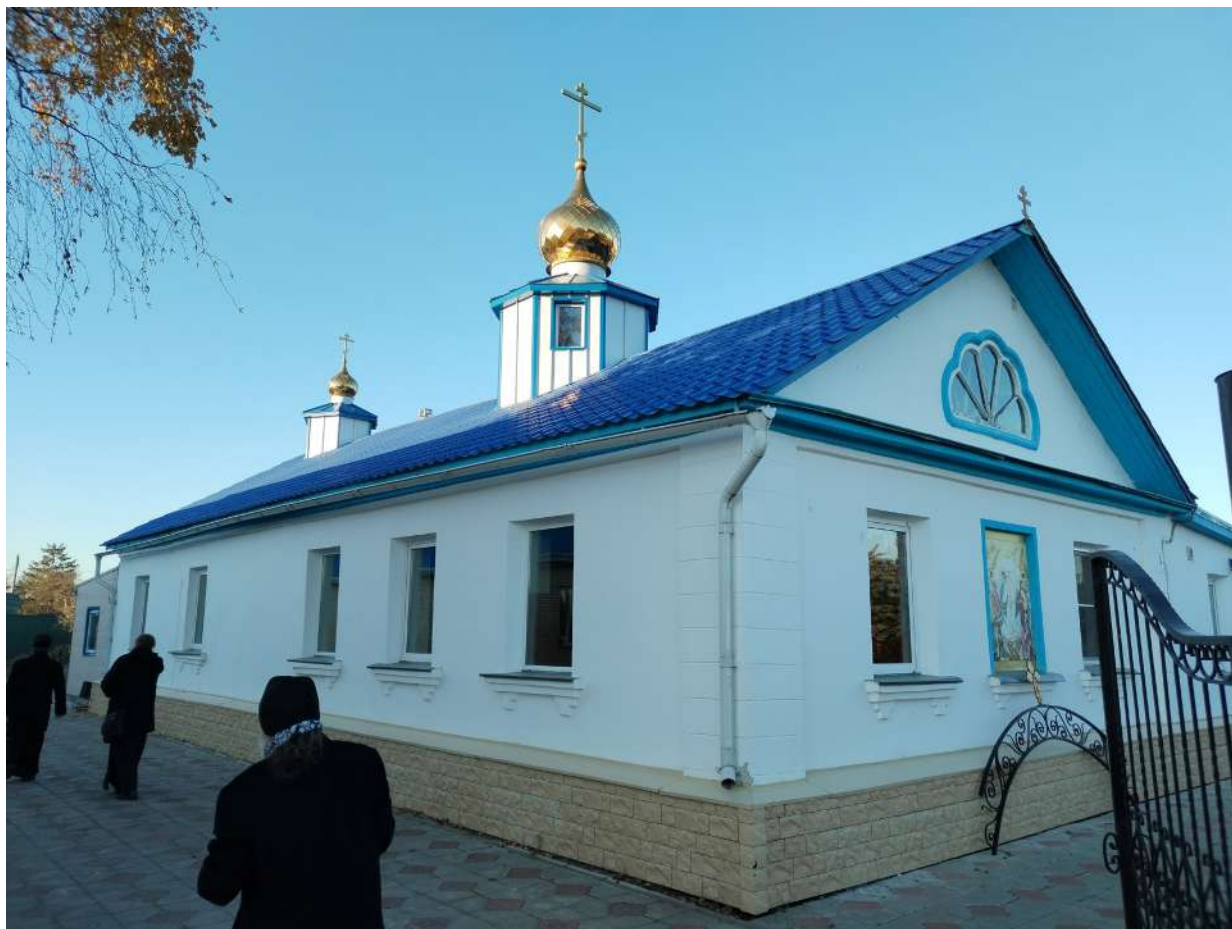

Рис. 9. Храм Успения Пресвятой Богородицы, г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский кр. Октябрь 2025 г.

Figure 8. Church of the Dormition of the Blessed Virgin Mary, Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Krai. October 2025.

Интерьер храма создавался исключительно усилиями местных жителей, иконы привозились из других регионов, опять же, частным образом. В храме даже были установлены поставцы (подсвечники для церковных свечей), сделанные прихожанами самостоятельно. Они сохранились и можно видеть, что они изготовлены из заводской алюминиевой посуды, тазиков для варки варенья и железнодорожных подстаканников (рис. 10). Яркий пример энтузиазма и народной смекалки. В настоящее время в городе построены православные храмы, но и этот храм не заброшен, прихожане заботятся о нем, что можно видеть просто по его состоянию.

Рис. 10. Самодельный поставец. Ок. 1975. г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский кр. Октябрь 2025 г.

Figure 10. Homemade church candlestick. Circa 1975. Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Krai. October 2025.

Этот пример указывает на то, что в новом советском городе, не имеющем какой-либо церковной традиции, были люди, имевшие потребность в вере и церковной жизни, и, главное, способные к самоорганизации. История этого сообщества, причины его возникновения, требуют отдельного исследования другими методами. Данный пример, однако, показывает, что даже поставить вопрос таким образом, не увидев данный храм, было бы невозможно. А как можно было увидеть его, не посетив локальности?

Заключение

Метод, названный нами «феноменологическим погружением», был разработан на основе практик исследований в российских регионах и локальных сообществах, показавших свою эффективность в ходе многочисленных экспедиций. Хотя сам базовый принцип этого метода предполагает, что он постоянно корректируется, так что разработка его продолжается. Приведенные в данной статье примеры (кейсы) показывают, как с помощью этого метода можно формировать гипотезы, корректировать данные из других источников, вносить изменения в программы исследований и рабочие материалы (гайды интервью, к примеру).

Предлагаемый метод, помимо выявления маркеров инновационного и традиционного, общего и особенного (типологизация этих маркеров – задача будущей работы), позволяет верифицировать данные полученные с помощью классических методик, корректировать направление и задачи исследования.

Данный метод не исчерпывается визуальной социологией, сосредоточенной на анализе фотографий. Более того, роль фотографии здесь иная – это не объект и не инструмент исследования, но способ передачи неформализуемых данных, почему она всегда идет в комплексе с вербальными описаниями. При этом, в отличие от нефотографических визуальных методов, биографических прогулок и пр., прямое наблюдение носит не вспомогательный, а базисный характер.

Сегодня разнообразные данные о регионах, включая подборки фотографий можно получать, не отходя от монитора (например, с помощью сервисов «Панорамы» и «Зеркала» на Яндекс-картах¹). Но при этом никакие фотографии и даже видеоматериалы не могут передать главного: атмосферу жизни, непосредственного ощущения жизненной среды локальности. СМИ и блогосфера полны взаимоисключающей информации, верифицировать которую невозможно, не прибегая к непосредственному наблюдению.

Представленный метод имеет существенные ограничения, как то: субъективизм, затруднения трансляции полученных данных, сложность подготовки исследователей. Однако их возможно в некоторой степени преодолеть, прежде всего применяя метод не изолированно, а в комплексе с иными качественными исследовательскими методиками. Однако визуально-интуитивный метод (или феноменологическое погружение) предполагается нами как исходный, поскольку именно собранные с его помощью данные ложатся в основу исследований другими методами. Представляется, что именно комплекс качественных исследований, опирающихся на феноменологическое погружение, может способствовать получению наиболее основательного знания о российских локальных сообществах, их социокультурных особенностях и протекающих в них процессах.

¹ Яндекс карты. URL: <https://yandex.ru/maps> (дата обращения: 19.10.25).

Библиографический список

1. Андреев А. Н. Модель применения исследовательской фотографии при изучении социального взаимодействия // Социология 4М. 2019. № 49. С. 84–130. EDN: SVMTCA.
2. Галич Л. П., Шушунова Т. Н. Визуальное измерение социального мира в социологии // Социологический альманах. 2020. № 11. С. 20–27. EDN: LPFNJO.
3. Ионин Л. Г. Шюц (Schuetz) Альфред // Социологическая энциклопедия / Ред. Г. Ю. Семигин, В. Н. Иванов. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. 863 с.
4. Нименский А. В. Фотография: от истоков и социальных функций до формирования общественного мнения // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 99–103. DOI: 10.24158/tipor.2023.6.11; EDN: LPXLHC.
5. Подъячев К. В. Нижегородская область: индустриальный центр и хранитель ремесел // Вестник Института социологии. 2013. Т. 4. № 2. С. 75–90.
6. Подъячев К. В. Изучение особенностей социального развития России и гносеологические парадигмы: к вопросу о методологическом базисе современных социологических исследований // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 366–372. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372; EDN: VQLCPO.
7. Подъячев К. В. Качественные методы и «национальная социология»: к вопросу о теоретико-методологических аспектах изучения особенностей социальных процессов в России // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР / Отв. ред. И. Г. Кузина. Владивосток, ДВФУ, 2017. С. 275–277. EDN: YQFUKL.
8. Подъячев К. В., Халий И. А. Крым и Севастополь – регулярные трансформации или устойчивое постоянство? // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14 / Отв. ред. ак. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2016. С. 254–281. EDN: WBLZMN.
9. Семина М. В., Ганжа А. О. Визуальная социология и развитие социологического воображения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 2. С. 153–167.
10. Стрельникова А. В., Ваньке А. В. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация (ИНТЕР). 2017. Т. 9. № 13. С. 51–72. EDN: ZHATQH.
11. Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.
12. Черныш М. Ф. Инструмент массового опроса: логика и практика конструирования. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 304 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-430-7.2024; EDN: BJWSCJ.

13. Шапиева А. В. Визуальное измерение социального мира: опыт и потенциал фотографии в социологическом исследовании // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4. С. 428–437. DOI: 10.47309/2713-2358-2024-4-428-437; EDN: НТАКСФ
14. Шапкина Е. В. Применение визуального метода при изучении становления образовательной инфраструктуры КемГМУ // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2023. Т. 4. № 2. С. 42–50. EDN: GMEEGP.
15. Шацкий Е. История социологической мысли. В 2 тт Т. 2. / Пер. с польск. Е. Барзова и др. М.: НЛО, 2018. 720 с.
16. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования / Пер. с польск. Н. В. Морозовой. 2-е изд. М.: Логос, 2010. 168 с.
17. Энциклопедия памятников и воинских захоронений Сталинграда / Отв. ред. А. В. Ситников, С. А. Егин. Волгоград: ВолГУ, 2023. 364 с.
18. Явловский А. Метод анализа визуального материала как техника полевого исследования // Ученые записки ЗабГУ. 2015. № 4(63). С. 53–60.
19. Glaser B., Strauss A. L. Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Chicago: Aldine, 1967. 271 p.

Получено редакцией: 20.10.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Подъячев Кирилл Викторович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.6

On the Application of the Visual-Intuitive Method in Sociological Research of Russian Local Communities

Kirill V. Podyachev

Institute of sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

kirvik@bk.ru

ORCID: 0000-0002-1342-7076

For citation: Podyachev K. V. On the application of the visual-intuitive method in sociological research of Russian local communities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 201–228. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.6; EDN: TTYJDC.

Abstract. This article substantiates the application of the author's visual-intuitive research method, called "phenomenological immersion," to the study of Russian local communities. This method was developed based on the author's fieldwork practices, conducted since 2013. The theoretical basis of the method is the phenomenological sociology of A. Schütz, the concept of the "lifeworld" of J. Habermas, and the developments of visual sociology. According to A. Schütz, everyday life encompasses the maximum possible manifestations of the social. Therefore, direct observation of the everyday life/lifeworld of local communities is considered in this article as a sociological tool that will significantly complement sociological methodologies, especially in terms of studying the general and specific sociocultural characteristics of Russian regions. When identifying the sociocultural characteristics of regions and local communities within a single country (as opposed to cross-national studies), the subtle nuances of social reality are of decisive importance. These nuances can be determined precisely through studying the living environment, for which this method appears to be the most effective. It also provides opportunities for adjusting guidelines for

classical qualitative research and more adequately evaluating statistical data. The author provides examples from his personal experience of fieldwork in Russian regions, demonstrating how this method can be used to formulate hypotheses, adjust data from other sources, and amend research programs and working materials. Visual sociology is a significant component of this method, but is not entirely identical to it, as the role of photography is different here. It is not an object or a research tool, but a means of conveying non-formalized data, which is why it is always combined with verbal descriptions. Moreover, unlike non-photographic visual methods, direct observation is not auxiliary but fundamental. The method has significant limitations, such as subjectivity, difficulties in communicating the obtained data, and the complexity of training researchers for the work. However, these can be overcome to some extent, primarily by using the method not in isolation, but in conjunction with other qualitative research methods.

Keywords: Russia, sociology, phenomenology, regions, sociocultural characteristics, local communities, visual analysis, participant observation

References

1. Andreev A. N. The model of application of research photography in the study of social interaction. *Sotsiologiya 4M*, 2019: 49: 84–130 (in Russ.). EDN: SVMTCA.
2. Galich L. P., Shushunova T. N. Visual measurement of social world in Sociology. *Sotsiologicheskyy almanakh*, 2020: 11: 84–130 (in Russ.). EDN: LPFNJO.
3. Ionin L. G. Schütz Alfred. *Sotsiologicheskaya Encyklopedia [Sociological Encyclopedia]*. Ed. by G. Y. Semigin, V. N. Ivanov. Vol. 2. Moscow, Mysl', 2003: 863 (in Russ.).
4. Nimenskiy A. V. Photography: From Its Origins and Social Functions to the Formation of Public Opinion. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2023: 6: 99–103 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2023.6.11; EDN: LPXLHC.
5. Podyachev K. V. Nizhegorodskaya oblast': industrial'nyy tsentr i khranitel' remesel [Nizhny Novgorod region: an industrial center and keeper of trades]. *Vestnik instituta sotziologii*, 2013: 4: 2: 75–90 (in Russ.).
6. Podyachev K. V. On Studying the Peculiarities of Russian Social Development and Gnoseological Paradigms: Or the Question of the Methodological Basis of Contemporary Sociology. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018: 18: 4: 366–372 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372; EDN: VQLCPO.
7. Podyachev K. V. Qualitative methods and “national sociology”: on the issue of theoretical and methodological aspects of studying the characteristics of social processes in Russia. In *Problems of modeling social processes: Russia and the countries of the Asia-Pacific region*. Ed. by I. G. Kuzina. Vladivostok, DVFU, 2017: 314 (in Russ.). EDN: YQFUKL.
8. Podyachev K. V., Khaliy I. A. Crimea and city of Sebastopol – regular transformations or stable constancy? *Rossiya reformiruyushchayasya: Yezhegodnik. Vyp. 14* [Russia is reforming. Yearbook. Iss. 13]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novy Khronograf, 2016: 496 (in Russ.). EDN: WBLZMN.
9. Siomina M. V., Ganjah A. O. Vizual'naya sotsiologiya i razvitiye sotsiologicheskogo voo-brazheniya [Visual Sociology and the Development of Sociological Imagination]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2008: XI: 2: 15–167 (in Russ.).
10. Strelnikova A. V., Vanke A. V. Field study of an industrial district: strategies for collecting and analyzing visual data. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*, 2017: 9: 13: 51–72 (in Russ.). EDN: ZHATQH.
11. Toshchenko Zh. T. *Sociology of Life*. Moscow, Unity-Dana, 2016: 399 (in Russ.).
12. Chernysh M. F. Mass survey instrument: logic and practice of design. Moscow, FNIS RAN, 2024: 304 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-430-7.2024; EDN: BJWSCJ.
13. Shapieva A. V. The visual dimension of the social world: the experience and potential of photography in sociological research. *Ufimsky gumanitarny nauchny forum*, 2024: 4: 428–437 (in Russ.). DOI: 10.47309/2713-2358-2024-4-428-437; EDN: HTAKCF.
14. Shapkina E. V. Application of the visual method in the study of the KEMSMU educational infrastructure formation. *Vestnik obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*, 2023: 2: 42–50 (in Russ.). EDN: GMEEGP.
15. Shatzky J. *Istoriya sotziologicheskoy mysli [The history of sociological thought]*. Vol. 2. Transl. from Pol. by E. Barzova et al. Moscow, NLO, 2018: 720 (in Russ.).

16. Shtompka P. Vizualnaya sotsiologiya. Fotografija kak metod issledovaniya [The Visual sociology. Photography as a research method]. Transl. from Pol. by N. V. Morozova. 2nd ed. Moscow, Logos, 2010: 168 (in Russ.).
17. Encyclopedia of monuments and military graves of Stalingrad. Ed. by A. V. Sitnikov, S. A. Egin. Volgograd, VolGU, 2023: 364 (in Russ.).
18. Yavlovsky A. Method of analysis of visual material as a field research technique. *Uchionye zapiski ZabGU*, 2015: 4(63): 53–60 (in Russ.).
19. Glaser B., Strauss A. L. Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Chicago, Aldine, 1967: 271.

The article was submitted on: October 20, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill V. Podyachev, Candidate of Political Sciences, Leading researcher